

Улыбка Фан Цзычэня застыла, едва не сорвавшись. Он заставил себя сохранить невозмутимый вид и как бы невзначай спросил:

— Ты уже завтракал?

Сяо Фэн покачал головой и, потупившись, уставился на свои босые ноги.

— Е... ещё нет.

Мальчишка выглядел таким изможденным и жалким, что невольно вызывал сочувствие. Чжао-гэр утром сунул Цзычэню три вареных яйца; одно он уже успел съесть по дороге, а оставшиеся два тут же протянул заике.

— На, поешь.

Яйца стоили недешево, и Сяо Фэн испуганно замахал руками:

— Не... не надо.

— Раз дают — бери, — отрезал Фан Цзычэнь и силой впихнул яйца мальчику в руки. — Хвороста ты набрал много, а сам еще мал. Не таскай такие тяжести за один раз, береги себя. Всё, мне пора на работу, некогда разглагольствовать.

Сяо Фэн растерянно сжимал подношение, не зная, что делать. Он порывался было догнать своего благодетеля, но куда там — длинные ноги юноши мелькали быстрее лошадиных копыт.

Из-за этой задержки Цзычэню пришлось изрядно прибавить шагу. Он едва успел переступить порог «Башни Пьяной Ночи», как следом вошел хозяин заведения, Ян Мутао, ведя за собой невысокого подростка.

Весь персонал — и официанты, и кухонные работники — уже выстроились в главном зале. Фан Цзычэню эта сцена до боли напомнила утренние планерки в современных офисах.

Большой босс взял слово.

Древние люди, судя по всему, обожали витиеватые речи. Ян Мутао разглагольствовал добрых полчаса, и его подчиненный начал откровенно клевать носом. Если вкратце, суть сводилась к одному: владельцу нужно отлучиться по делам, и до его возвращения за всё в ресторане отвечает управляющий Ян.

Когда собрание разошлось, Цзычэнь уже собрался было идти на свое рабочее место, чтобы «светить и греть» на ниве бухгалтерии, но Мутао жестом подозвал его к себе.

— Цзычэнь, пойдем со мной.

Мужчина поднялся на третий этаж, где располагалась его личная комната отдыха. Счетовод бывал там и раньше. Переступив порог, он заметил, что они не одни — в кресле сидел тот самый мальчик, что пришел вместе с боссом.

Внизу Цзычэнь не успел его толком разглядеть, но теперь, вблизи... паренек оказался весьма недурен собой. Несмотря на юный возраст, черты его лица поражали своей статью: вразлет идущие брови, узкие «фениксовы» глаза, тонкий, прямой нос. Весь его облик дышал изысканностью, какая бывает у книжников и ученых мужей. Однако во взгляде сквозила холодная надменность, выдававшая непростой характер.

— Цзычэнь, — Ян Мутао ласково обнял подростка за плечи, — познакомься, это мой ребенок, гэр по имени Ян Минъи. Ему в этом году исполнилось одиннадцать. Минъи, это твой брат Фан.

— Брат Фан, — первым подал голос мальчик, — приветствую.

Фан Цзычэнь вежливо кивнул. Об этом ребенке он уже слышал краем уха.

Люди во все времена обожали сплетничать. Местные кухарки, пока мыли посуду, не раз перемывали косточки хозяину. У Ян Мутао было несколько красавиц-наложниц, но по какой-то причине единственным наследником оставался этот гэр.

Минъи редко показывался в ресторане, и тетушки на кухне расхваливали его красоту так усердно, будто им за это приплачивали. Однажды Цзычэнь из любопытства спросил: «Неужели и впрямь так хорош? А если со мной сравнить?» Тетушки, то ли из вежливости, то ли по совести, тогда ответили: «Ну, молодой господин красавчик, но до тебя ему всё же чуточку далеко».

Проработав в «Башне Пьяной Ночи» месяц, Цзычэнь наконец увидел наследника воочию и убедился: кухарки не вдали. Ян Минъи был красив, спору нет, но пальма первенства по-прежнему оставалась за Фан Цзычэнем.

Хозяин предложил гостю сесть за стол, явно настраиваясь на долгий разговор. Ян Минъи налил чай и подал чашку двумя руками. Несмотря на ледяную отстраненность, в его манерах чувствовалось безупречное воспитание.

— Прошу, брат Фан.

— Благодарю.

Ян Мутао перешел к делу:

— Цзычэнь, ты наверняка слышал о моем положении. Минъи — мой единственный ребенок, и со временем заведение перейдет к нему. Ему уже одиннадцать, и я хочу, чтобы он начал учиться у тебя счетоводству. Что скажешь?

Юноша блестяще управлялся с цифрами. Управляющий Ян докладывал хозяину, что прежний бухгалтер был нечист на руку и умыкнул из кассы несколько сотен лянов. После такого горького урока владелец стал крайне осторожен. Он навел справки о происхождении нового сотрудника: парень пришел с пристани, где вкалывал честно и без хитростей, а его работа в ресторане за последний месяц лишь подтвердила репутацию.

Манера ведения дел у Цзычэня — вероятно, заморская — заметно отличалась от местной, но была невероятно удобной, быстрой и точной. Проверив счета и не обнаружив ни единой ошибки за месяц, Ян Мутао окончательно решил приставить к нему сына. Гэру всё равно когда-нибудь выходить замуж, и умение управляться с деньгами пригодится ему везде — и в ресторане, и в ведении домашнего хозяйства.

Раньше Ян Мутао надеялся, что наложницы еще одарят его детьми, но прошло десять лет, ему самому перевалило за сорок, и силы были уже не те. Если раньше он мог «объезжать кобылок» всю ночь напролет, то теперь спина начинала ныть после первого же раза. Старый вол пахал на износ, но семена больше не давали всходов. Теперь вся его надежда была только на Минъи.

Цзычэнь притворился, что раздумывает:

— Я бы и рад помочь, но в лавке дел невпроворот. Боюсь, времени на учебу совсем не останется...

«Впрочем, за хорошую плату можно заставить и чертей жернова крутить»

Ян Минъи хранил молчание, проявляя завидную выдержку. Ян Мутао, будучи тертым калачом в торговле, сразу разгадал маневр собеседника. Тот не юлил и не пытался казаться лучше, чем он есть.

— Много времени это не займет — всего час в обеденный перерыв. Мы люди свои, но дружба дружбой, а табачок врозь. Я не заставлю тебя учить его даром. Буду доплачивать тебе по три серебряных ляна в месяц. Что скажешь?

— Ну что вы, право слово, даже как-то неловко, — Фан Цзычэнь широко улыбнулся, изображая сердечную прямоту. Впрочем, на его лице не отразилось ни тени того самого смущения, о котором он говорил.

Ян Мутао лишь покачал головой, не сдержав усмешки — ловкий пройдоха!

— Тогда я отвезу его домой и пришлю обратно к полудню.

— Как вам будет угодно, — легко согласился Цзычэнь.

Кровяная колбаса сварилась. Чжао-гэр аккуратно выудил её из котла и уложил в корзину, предварительно застелив дно промасленной бумагой, чтобы ничего не протекло.

Проснулся и Гуай-цзай. Малыш привык вскакивать рано, и обычно папа Фан всегда был рядом. Не обнаружив его на привычном месте, он надул губки и, протирая заспанные глазки, побрел на кухню.

— Папа-а...

Чжао-гэр умыл его и отрезал приличный кусок колбасы, предварительно подув на него. Колбаса была толстой и длинной — Послушный малыш такой диковины еще не видел. Он с минуту вертел её в руках, рассматривая со всех сторон, а когда наконец решился откусить кусочек, его глаза мгновенно прояснились.

— Ну как, вкусно? — спросил отец.

— Оцень вкусно! А что это? — Мальчик просиял, набивая рот. — А папа кусал уже?

— Пробовал, радость моя. Это кровяная колбаса. Пойдем сегодня вместе в город её продавать?

— Пойдем!

Чжао-гэр взвалил корзину на спину и прикрыл её деревянной доской. Заперев калитку, он взял Гуай-цзая за руку и зашагал в сторону города. У малыша ножки были короткими, и фулан порывался взять его на руки, но тот уперся:

— Папе и так тяжело, корзина большая. Гуай-цзай — настоящий мужик, Гуай-цзай сам дойдет!

Чжао-гэр лишь улыбнулся и замедлил шаг. Малыш старался изо всех сил: его маленькие ножки мелькали так быстро, что казались размытыми тенями, а щечки покраснели от усердия.

В городке Фуань такого лакомства еще никто не видел. Чжао-гэр пристроил доску поверх корзины и разложил на ней товар. Прохожие с любопытством поглядывали на необычное блюдо, кое-кто подходил спросить цену, но покупать никто не спешил.

Остывшая колбаса почти не пахла, а стоила три медяка за порцию — дороже, чем мясная булочка. Для простых горожан деньги были подъемные, но никто не хотел тратить кровно заработанные на kota в мешке, который к тому же не дразнил аппетит ароматом.

Чжао-гэр был слишком робок, чтобы зазывать покупателей. Он стоял, не зная, куда деться от неловкости, и с ужасом наблюдал, как торговля замирает, так и не начавшись.

Фан Цзычэнь заметил их издалека. Дел в бухгалтерии сейчас было немного, и он подозвал двух официантов — ребят разбитных и острых на язык.

— Брат Фан, звал нас? — спросил Сунь Даху.

— Есть дело, — кивнул Цзычэнь. — Выручите меня?

В коллективе молодого господина Фана любили. Сунь Даху и Ван Сяоцзю тут же приосанились.

— О чем речь, брат Фан! Только скажи — мы ради тебя и в огонь, и в воду!

— Ну, в огонь не надо... — Цзычэнь знаком велел им подойти ближе и зашептал: — Значит так... Сделаете вот что... А потом вот так...

Дослушав наставления, Ван Сяоцзю весело хлопнул себя по груди:

— Ну, брат Фан, не ожидал я от тебя такой хитрости! Не переживай, всё сделаем в лучшем виде, комар носа не подточит!

<http://bllate.org/book/15357/1433845>